

Е. П. Сергун*

Соотношение понятий «религиозный экстремизм» и «религиозный фундаментализм»

Религиозный экстремизм как негативное социальное явление выходит далеко за рамки обособленных конфессиональных проблем (т. е. сугубо внутренних церковных или иных религиозно-общинных дел) и *de facto* представляет собой специфичную форму антиконституционных, но якобы «богоугодных» реакционных стремлений, выступающих детерминантами особого типа политической преступности. **Религиозный экстремизм** — активная приверженность к экстремистской идеологии, прямым или косвенным мировоззренческим источником (стимулом) которой выступают исторически сложившиеся (так называемые «традиционные»), а равно новые (современные), разработанные адептами, сектантами и другими основателями нормы религиозного или оккультного характера. При этом *экстремистскую идеологию* сегодня можно, на наш взгляд, определить как систему социально-политических мировоззренческих представлений, основу которой составляют идеи нетерпимости (враждебности, непримиримости и т. п.) к фундаментальным ценностям и принципам демократии (преимущественно либеральной) как форме общественно-политического устройства и политическому режиму, а равно к основам конституционного строя демократического правового государства¹.

Религиозный экстремизм является по сути тем случаем, когда основой для возникновения и последующего развития антидемократических (антиконституционных) воззрений служит не какое-либо философско-политическое или политико-экономическое учение (например, идейными первоисточниками *ультралевых* выступают работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и др., в которых оправдываются классовая борьба, социальная революция и т. п., в то время как сторонников *ультраправых* взглядов вдохновляют соответствующие труды руководителей Национал-социалистической немецкой рабочей партии и т. д.), а оформившаяся в самостоятельное течение оккультно-религиозная идеология, наделенная последователями статусом «божественного откровения».

Помимо характерного мировоззренческого источника религиозный экстремизм, выражаясь тавтологически, по существу ничем не отличается от «политического» экстремизма (т. е. *левого*² и *правого*³), потому что, как и любой иной условно выделяемый в науке вид экстремизма, всегда обусловлен нетерпимостью (враждебностью) к концепции демократического правового государства, т. е.

* Докторант кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук.

¹ См.: Сергун Е. П. Научно-теоретические вопросы в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации. М. ; Саратов, 2011. С. 56; *Его же*. Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход). М. ; Саратов, 2009. С. 48.

² В нашем понимании *левый экстремизм* — активная приверженность к экстремистским идеологиям, характерным для *ультралевого спектра политического поля*: большевизм, ленинизм, троцкизм, сталинизм, маоизм, революционный анархизм и т. п.

³ По нашему мнению, *правый экстремизм* — активная приверженность к экстремистским идеологиям, характерным для *ультраправого спектра политического поля*: ультранационализм, расизм, неонацизм, неофашизм и т. п.

к самой идее его существования. Учитывая, что религиозному экстремизму присущи признаки как ультралевых (в меньшей степени), так и ультраправых (в большей степени) идеологий¹, нет оснований полагать, что исследуемое явление представляет собой некий самостоятельный идеологический феномен, не вписывающийся в классический лево-правый политический спектр. Религиозные экстремисты активно выступают за признание своей религии «абсолютно истинной» (следовательно, господствующей над всеми остальными) с подавлением (в том числе физическим) сторонников других религиозных учений. Для них характерно стремление к воссозданию фундаментальных основ «своей» цивилизации путем ее «очищения» от чуждых новаций и заимствований, возвращению ей прежнего, «истинного» облика, что неминуемо сопрягается в том числе с религиозным *расизмом*, *нацизмом* и т. п., не говоря уже в целом об очевидном угнетении общепризнанных (естественных, неотчуждаемых) прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в основных источниках международного публичного права. В таком понимании религиозный экстремизм конкурирует с иным схожим по своей природе социально-политическим феноменом — религиозным фундаментализмом.

Согласно нашим представлениям, *религиозный фундаментализм* — это определенные религиозные убеждения и обусловленные ими современные политические стремления, состоящие в ориентации на искусственный возврат обществ к исходным архаическим, средневековым традиционным религиозным (конфессиональным) системам идей, ценностей и принципов, в ликвидации появившихся в ходе их развития всевозможных привнесений и «ересей» и восстановлении первоначальной «чистоты», «возвращении к истокам» конкретного религиозного учения. Первоначально под фундаментализмом понималось консервативное течение в протестантизме, сложившееся в южных штатах США в 1910-х гг., направленное против либерального протестантского рационализма и отвергавшее любую критику Библии².

Очевидно, что в государственно-правовом смысле современные религиозные фундаменталисты не могут не тяготеть к созданию либо клерикального государства (в котором церковная иерархия через законодательно установленные институты определяющим образом влияет на политику государства и все сферы общественной жизни), либо теократического государства (в котором общественные дела решаются по «божественным указаниям», «откровениям» или «законам», а фактически — в котором власть находится в руках церкви и духовенства). Исламисты нацелены на образование террористическими методами так называемого «Всемирного исламского халифата» (т. е. всемирного феодального теократического арабо-мусульманского государства, функционирующего согласно архаическим законам шариата), представляющего угрозу всему сложившемуся в мире цивилизованному правопорядку. Это позволяет рассматривать религиозный фундаментализм как *видовое* по отношению к религиозному экстремизму понятие.

Кратко затронув актуальную проблему исламского фундаментализма, важно пояснить, что в целом ошибочно сводить тему обсуждения религиозного фундаментализма только к оценке современной ситуации, сложившейся на Северном Кавказе России и в исламских государствах Ближнего и Среднего Востока. Справедливости ради следует отметить, что на основании наших исследований

¹ В их числе, на наш взгляд, *национал-социализм* и все его составляющие элементы: расизм, антисемитизм, крайний национализм, социальный дарвинизм, расовая гигиена и т. п.; *фашизм* и все его составляющие элементы: вождизм, шовинизм и т. п.

² См.: Большой Российский энциклопедический словарь. М., 2005. С. 1699.

и православный фундаментализм находят точки соприкосновения, например, с национал-социалистической идеологией «Русского национального единства» (РНЕ) и последующего движения «Александр Баркашов», антисемитизмом Национально-патриотического фронта «Память» (НПФ «Память»), национал-монархизмом «Союза православных хоругвеносцев» (лозунг которых: «Православие или смерть!»), «Союза русского народа» и политическими программами иных «полулегальных» и официально запрещенных экстремистских организаций, открыто или негласно действующих на территории Российской Федерации. Очевидно и то, что набирающие в последнее время оборот клерикальные стремления Русской православной церкви (далее — РПЦ) становятся все более очевидными, а конституционный принцип светскости (ч. 1 ст. 14 Конституции РФ) благодаря религиозному лоббизму превратился в фиктивную (недействующую) правовую норму. Стоит ли говорить о том, что попытка государства привить российскому многонациональному обществу идеи толерантности, взаимоуважения и вообще демократической политической и правовой культуры в условиях прогрессирующей идеологической монополии РПЦ выглядит заведомо бесперспективной?

Впрочем, производность религиозного фундаментализма от религиозного экстремизма можно констатировать, на наш взгляд, не только через выявление клерикальных или теократических намерений тех или иных религиозных организаций, но и посредством исследования содержания конкретных религиозных источников на предмет их соответствия демократическим и естественно-правовым принципам. Всегда необходимо иметь представление о том, к беспрекословному претворению каких именно «религиозных ценностей» стремятся фундаменталисты и каковы подлинные цели предполагаемого исторического возврата к таковым.

Сразу следует оговориться, что вопрос об официальном признании экстремистскими материалами¹ тех или иных религиозных источников (включая в ряде случаев так называемые «священные писания» — основополагающие тексты мировых религий) всегда выглядит чрезвычайно острым, полемичным и крайне социально напряженным. Недостаточно обдуманый и взвешенный ответ на него способен вызвать сильный негативный общественный резонанс, вплоть до резкого снижения уровня легитимности государственной власти и массового обвинения политических деятелей в антиконституционных действиях. Однако его в некоторых случаях разумное положительное решение вовсе не означало бы официальное провозглашение (как может показаться некоторым) атеистических или даже антиатеистических идей. Такой отчасти радикальный политический шаг только позволил бы, на наш взгляд, исключить возможность глобальной манипуляции сознанием людей в антидемократических (антиконституционных) целях посредством абстрактной идеи *трансцендентного* Бога.

Основная проблема состоит в том, что сложившееся «нейтральное» понимание религиозного экстремизма как «отрицания системы традиционных для общества религиозных ценностей и догматических устоев, а также агрессивной пропаганды «идей», противоречащих им»² во многом идеализировано. Оно подразумевает условное деление религий на «хорошие» («традиционные») и «плохие»

¹ Согласно нашей научной позиции, *экстремистские материалы* — это материальные носители текстовой, графической, аудиовизуальной или иного типа информации, отражающей полностью или частично основные концептуальные положения конкретной экстремистской идеологии.

² Религиозный экстремизм // Экстремизм.ru : сайт. URL: <http://www.ekstremizm.ru/bazaznaniy/item/23-religioznyy-ekstremizm>. Загл. с экрана (дата обращения: 15.09.2012).

(«нетрадиционные», будто бы разжигающие в обществе национальную и религиозную вражду). Тем не менее на практике ситуация выглядит гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Особенно применительно к *авраамическим религиям* (иудаизм, христианство и ислам), буквальное толкование основных источников которых (при сознательном игнорировании их «исторической конспиративности» и возможности понимания текстов «священных писаний» только «избранными», «разбирающимися» в «божественных вопросах» людьми) однозначно свидетельствует о том, что их невозможно назвать оплотами миролюбия и гуманизма. Безусловно, сегодняшние религиозные лидеры осуществляют общую интерпретацию религиозных норм в русле их концептуального соответствия естественно-правовым идеям, к чему их в первую очередь обязывает *позитивное право*. Разумеется, находятся и те адепты, которые убеждены, что современные идейные постулаты той или иной доминирующей религиозной организации в части или полностью расходятся с «истинными», «подлинными», исторически сложившимися религиозными догматами. Парадокс заключается в том, что последних приверженцев при выявлении факта антидемократических стремлений придется признать экстремистами, несмотря на то, что их понимание конкретной религии теоретически может быть *правильным*, т. е. действительно соответствовать первоначальному *духу и букве* «священного писания» (Торы, Ветхого Завета, Нового Завета, Корана и др.).

Вместе с тем данное обстоятельство (соответствие или несоответствие) фактически невозможно ни доказать, ни опровергнуть научным путем из-за неизбежного погружения в область философии, а также нескончаемые исторические, религиоведческие и культурологические дискуссии. Крайняя абстрактность большинства религиозных догм, их многочисленные смысловые вариации, обусловленные десятками факторов: научными расхождениями в подробностях каких-либо исторических событий, различными официальными трактовками, неисчислимыми многовековыми правками (исключениями, изменениями, дополнениями и т. п.), внутренними логическими противоречиями, недостатками лингвистического перевода оригинала и т. д., не позволяют научно обосновать отнесение к экстремистским материалам каких-либо «священных писаний», являющихся базовыми письменными источниками «традиционных» религий (если, конечно, не рассматривать указанные основания как неоспоримые аргументы религиозных экстремистов в свою пользу).

В то же время, как отмечает германский политолог Ш. Кайлицц, основополагающие источники любых мировых религий не лишены в высшей степени интолерантных и слишком воинственных взглядов, которые, однако, сформировались задолго до появления современных демократий. Следовательно, по его мнению, неправильно оценивать их сквозь призму устоявшихся научно-теоретических представлений об экстремизме¹. Кроме того, в представлении большей части современного российского общества (вероятно, в силу недостатка демократического правосознания) установление уголовно-правовых запретов религиозного характера рассматривалось бы как грубейшее нарушение государством принципа идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ), тем более предвидя ответную широкомасштабную антиправительственную агитацию (всевозможные «подогревания») со стороны религиозных организаций.

¹ См.: Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Wiesbaden, 2004. S. 165.

Несправедливо, однако, то, что фактическая государственная *неприкосновенность* «традиционных» религий, невзирая на очевидное для каждого логически мыслящего человека наличие признаков экстремизма в «священных писаниях» (достаточно отметить, например, откровенные факты еврейского расизма в Ветхом Завете, призывы к убийствам неверующих и христиан в Коране, приравнивание неевреев к нечистотам в иудейском «Кицур Шулхан Арух» и т. д.), сопряжена, как минимум, с повышенным вниманием со стороны субъектов противодействия экстремистской деятельности ко всем остальным объединениям верующих, придерживающихся иных религиозных концепций. На некоторые из них безосновательно вешается ярлык «*деструктивная секта*» (иногда с дополнением «*тоталитарная*»), а в общественном сознании с помощью средств массовой информации целенаправленно формируется соответствующий негативный стереотип, несмотря на то, что за рядом редких исключений никакой реальной угрозы обществу и государству они не представляют. Это происходит всего лишь потому, что на практике отдельные «нетрадиционные» религии выступают потенциальными *идеологическими конкурентами* «традиционных» систем верований.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что с научно-теоретических позиций религиозный фундаментализм следует рассматривать как разновидность религиозного экстремизма со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. Но на практике ситуация осложняется тем, что фактически фундаменталистские настроения находятся вне области правового (в том числе уголовно-правового) воздействия, вероятно, из-за господствующего (и, безусловно, кому-то выгодного) мифа об исключительной «миролюбивости» большинства «традиционных» (прежде всего авраамических) религий. Поэтому акцент смещен на поиски некоего «внешнего», неугодного религиозным монополистам «врага», в то время как нарастающая потенциальная угроза безопасности конституционному строю Российской Федерации, способная привести впоследствии к дальнейшим расколам общества и сепаратизму, государством не замечается.